

Е.Н. Мошкина кандидат филологических наук,

доцент, директор Вятской православной гимназии

во имя преподобного Трифона Вятского г. Кирова

Традиции классического образования в современной профильной школе

1.Классическое образование в России XIX - нач. XX века.

1.1.Момент, который переживает современная школа, во многом ключевой. Именно сегодня совершается выбор между серьезной работой по построению интеллектуальной, духовной гуманитарной школы и безответственными разговорами о невозможности это сделать. И этот выбор определяет, воцарится ли «легкость в мыслях необыкновенная», которая поможет нашим детям сбросить с себя высокое, но и обременительное иго русской истории и культуры, или восторжествуют духовные и нравственные ценности, веками составлявшие главное богатство русского человека.

Существо классического образования – в полноценном развитии всех сторон души учащегося. То, что оно в подлинном смысле доступно очень немногим способным детям из самых разных слоев общества, должно приучить нас ценить это драгоценное меньшинство, которое составляет цвет нации. Призвание этой элиты – смиренно и ревностно служить воспитавшей ее стране, и реализуется оно в силу той реальной привязанности, которую дает хорошее образование и воспитание. И само наличие такой служащей элиты неизбежно окажется для страны самым надежным стабилизирующим фактором.

Развитие классического образования всегда происходило в той стране, которая осознавала свою способность к лидерству. Все величайшие достижения в науке и культуре в XIX и XX веке принадлежат людям с классическим образованием.

Гимназическое образование в России зарождается в XVIII веке и достигает своего расцвета в XIX веке. В 1871 году император Александр II вопреки мнению большинства в Государственном Совете вводит новый гимназический устав, признающий только классические гимназии с двумя

древними языками. Устав 1871 года – самый радикальный западно-традиционалистический документ в истории русского просвещения. Лучшие частные школы – гимназии Л. Поливанова, С.Фишер в Москве, К.Мая в Петербурге – были радикально - классическими школами, где принципы реформы 1871 года проводились в жизнь более последовательно, чем в гимназиях казенных.

До революции классические гимназии были в каждом губернском центре, не говоря уже о столицах: только в самом центре Москвы, в районе Остоженки, Пречистенки, Волхонки находилось 6 гимназий. В Вятке к классическим гимназиям можно отнести лишь Вятскую мужскую гимназию. Вятская Мариинская женская гимназия классической, строго говоря, не являлась. Именно развитием классического образования определяется необыкновенный взлет русской культуры в конце XIX – начале XX века.

1.2. Классическая гимназия – это вовсе не гуманитарная, литературная или лингвистическая школа. Существо классического образования состоит в том, что оно предполагает равное внимание к 3 основным и до известной степени самостоятельным блокам дисциплин. Первый блок – древние языки, причем не как дополнение, а как основа, на которой строится обучение истории и литературе и всем дисциплинам гуманитарного цикла. Второй блок – математические и естественные науки: благодаря им получает развитие рациональное начало, которое позволяет решать задачи совсем другого характера. Для гимназии характерны курсы по точным наукам, построенные в историческом аспекте: все научные подходы когда-то были впервые сформулированы, и эти формулировки зафиксированы в конкретных текстах. Если учащийся привыкает изучать, скажем, геометрию, не как висящую в историческом вакууме самодостаточную науку, а читает «Начала» Евклида, т.е. конкретный текст, имеющий свою историю создания, историю бытования, историю рецепции и историю влияния – это избавляет его от иллюзии полной вневременности науки и учит лучше понимать ее человеческую определенность и ограниченность. Любая точная наука, чувствующая свою историческую ограниченность, легко сосуществует с гуманитарными науками и стремится найти свое – не самое высокое – место в традиционной иерархии ценностей, - так же, как и наша рассудочная способность, преимущественно этими науками эксплуатируемая, стремится осознать свое подлинное и также не самое высокое место в иерархии способностей нашей души. Третий блок – круг дисциплин, связанных с преподаванием Закона Божия, именно он призван формировать духовное,

мистическое начало души, которое в противном случае остается беспризорным. Полноценное классическое образование всегда могли получить немногие дети из разных слоев общества в очень немногих школах с исключительными педагогами редких профессиональных и человеческих достоинств.

2. Современная школа и классическое образование

После революционного развала старой школы на основе самых передовых и прогрессивных идей наступила сталинская реакция, вернувшая авторитарность старой гимназической формы. Оказалось, что для воспитания интеллектуально полноценной молодежи специализированная физико-математическая школа не хуже, чем старая классическая гимназия, хотя культурно она и слабее. Фактически трехчленная система – довольно высокого уровня авторитарная народная школа и специализированные физико-математические и языковые школы – работала весьма неплохо. В ней было лишь одно слабое звено – языковая спецшкола, не имеющая специального инструмента личностного роста (новые языки являться таковыми практически не могут), отсюда – гуманитарная отсталость страны. Как заметил бывший главный редактор журнала «Лицейское и гимназическое образование» А.Ю. Пентин, «в одних дисциплинах заказ государства до недавнего времени был – научить думать, в других, наоборот, - отучить». От правильно поставленного физико-математического образования – ядерный и аэрокосмический прорывы.

Кризис гуманитарного образования, унаследованный от советской школы, очевиден. Он выражается, прежде всего, в том, что наше гуманитарное образование дезориентировано с точки зрения смыслов и целей: должно ли оно давать знания, или учить мыслить, или воспитывать гражданина и патриота своей страны. Кризис гуманитарного образования заметен и с точки зрения результатов. Так, если выпускник царской гимназии не мог прийти в университет, не отчитавшись в знании двух древних языков и по крайней мере одного (лучшие учили два) нового языка. Требования к знанию французского языка в начале XX века в старших классах формулировались так: «Чтение небольших цельных сочинений или эпизодов из нескольких произведений прозаических (2-х последних столетий) или поэтических (преимущественно из классического периода французской литературы) с присоединением необходимых историко-литературных объяснений и биографических сведений об авторах читаемых сочинений. Устное и письменное изложение содержания прочитанного».

То, что было связано с областью среднего образования, «в эпоху всеобщей полуграмотности» перекочевало в высшую школу. Студент – философ, не знающий немецкого, историк-русист, не умеющий читать на древнерусском языке документы изучаемой эпохи, античник, знакомящийся с произведениями древних по переводам, никого уже не изумляют. Если проанализировать представления родителей о том, что такое образованный человек, мы усмотрим пугающую нетребовательность к объему знаний. Никогда не услышим, что надо хорошо знать текст «Евгения Онегина» или отличать по языку афишки Растопчина от манифестов Шишкова. Любое количество информации раз и навсегда признано для одной головы недоступным, поэтому достаточно манипулятивных навыков. В «Яндексе» найдется все.

А если высшая школа и родители не способны сформулировать общественный заказ, то построение эффективного школьного проекта – задача самого педагогического коллектива. Любая фундаментальная наука может стать образовательным ядром, но ни один из этих проектов не отличается универсальностью, и жертвы при выборе в пользу какого-либо одного направления достаточно велики. Современный «джентльменский набор» из экономики, права, ОБЖ и проч. не способен обеспечить личностный рост в силу своей нефундаментальности, невозможности выстроить систему достаточно сложных и красивых задач. Какие же предметы современной школы приспособлены для того, чтобы в рамках их преподавания выстраивать интересные задачи, стимулирующие самостоятельность мысли?

3. Модель школы: «неклассическая гимназия»

В современной школе есть пример возрождения классического образования. Нам известны, по крайней мере, два успешных проекта: Классическая гимназия при Греко-латинском кабинете в Москве и Санкт-Петербургская классическая гимназия (бывшая гимназия №610), все остальные школы не выдержали испытания временем. Вероятно, классическое образование в собственном смысле слова, основанное на изучении древних языков без малейших послаблений в занятиях точными науками, должно стать уделом одаренных детей из семей, в которых традиционные культурные ценности ставятся выше внешнего успеха в жизни. Для родителей, которые озабочены внешним успехом в жизни для своих детей, должен существовать богатый выбор лицеев и современных престижных вариантов коммерческих и реальных училищ. Но если и не стоит выстраивать всю русскую школу на

гуманитарных основаниях, то, во всяком случае, должны быть сохранены и нацелены на всестороннее и качественное развитие гуманитарного образования, играющие первостепенную роль в сохранении народного самосознания.

Очень важным является вопрос о том, каким предметам должен быть отдан приоритет в гуманитарной школе. Описательные дисциплины (обществознание, мировая художественная культура, история театра, история культуры, риторика и проч.) не могут научить гимназистов самостоятельно решать сложные интеллектуальные задачи, а следовательно, непригодны в качестве средства серьезного образования. Легче выстроить задачи для тренировки мышления на таких предметах, как родной язык и новые иностранные языки. Сложная грамматика, обеспечивающая естественное возникновение комбинаций самых различных тем, может стать даже более существенным и многоплановым образовательным инструментом, чем математика. Литература, особенно в сочетании с риторикой, и история могут быть предметом серьезных размышлений и логически выверенных заключений. Но какого бы значения ни достигали те или иные отдельно взятые предметы школьного преподавания, мы должны отдавать себе ясный отчет в том, что реально качественное гуманитарное образование может быть выстроено только при условии их иерархичной выстроенности и гармонической совокупности.

Кроме того, вопреки общему мнению, дети в современной школе сталкиваются с серьезной хронической нагрузкой, мы до крайности мало ставим их перед необходимостью решать сложные задачи, а уровень сложности должен приближаться к решению задач изощренных.

Последние задачи должны решаться не только на уроках, но и в исследовательской и проектной работе. Проект есть видение того, чего еще нет, и что только предлагается создать. С гуманитарными проектами (в правильном словоупотреблении) мы имеем дело, когда сталкиваемся со школьной прессой, телевидением, театром; это все традиционные и понятные виды деятельности. Они учат жизни, т.е. формируют социальную и коммуникативную компетенцию, но мало учат мышлению. Эту функцию скорее придется отвести исследовательской работе.

Исследовательская деятельность – это описание на научном языке того, что уже существует. Исследования школьников обращены своей проектной стороной к учителю: он должен придумывать задания, и непременно такие,

чтобы от них был толк и рост. Первая сложность здесь – фактор «образа жизни» и его трансляции. Трудно учить исследовательской работе, если сам ее не ведешь. Кроме того, далеко не всегда руководитель ставит перед собой вопрос, как будет происходить личностный рост ученика в процессе выполнения данных ему заданий. Особенно модно сейчас рассуждать о том, что школьник сам должен заниматься поиском информации. В приличных библиотеках и архивах без учителя это сделать невозможно, остается Интернет. А здесь вся премудрость – ввести в поисковик комбинации слов. Результат такой многотрудной деятельности – быстрое, без орфографических ошибок вбивание нужных слов и сравнение достоинств поисковых систем. Это предполагает даже не нулевой педагогический эффект, а прямо отрицательный: ученик будет играть в эти игрушки, вместо того, чтобы посвящать себя полезной и разумной деятельности. Руководитель должен уметь грамотно локализовать задачу, ограничить круг источников и составить их так, чтобы их сопоставление было сложным и увлекательным. Как видим, исследовательская деятельность, если к ней относиться серьезно, является весьма трудоемкой. Она требует столь колоссальных затрат времени и энергии, что можно с уверенностью утверждать: это путь, перспективный для отдельных школ, но не для образовательной системы в целом.

И еще об одном свойстве гуманитарной школы нужно сказать особо – это углубленное и последовательное воспитание знанием. Понимание общего уклада школьной жизни как воспитывающей среды (умственной, по преимуществу) захватывает частные учебные содержания в качестве инструментов воспитательной деятельности. Само же воспитание становится средством управления учебным актом. Возникает воспитывающее образование. Воспитание есть постановка правильного отношения, а орудием воспитания является слово. Сопровождение детского поступка детским словом и помышления создает воспитывающую среду – поведенческую, речевую и умственную, соответственно. В воспитании не слишком большую ценность имеют так называемые воспитательные мероприятия. У того, кто в общении с юными и неопытными хочет выйти за пределы знаний – умений-навыков, нет и не может быть иного инструмента, чем он сам – жизненный уклад, стиль общения, привычки, реакции на внешние раздражители и т.д. Личность наставника воспитывает и тем, какой материал предлагает для изучения и каким образом его интерпретирует. Обще принято, что литература – необходимое условие бытия человека, обеспечивающее развитие его духовных и умственных сил. Но почему тогда известный писатель и философ Василий Розанов во время крушения России в

1917 году сказал знаменательную фразу: «Литература погубила Россию»? Интеллигенция того времени жила больше литературой, чем реальной жизнью; она находилась в мире своих романтических грез, страстного воображения и политических фантазий. Кредо интеллигенции была страшная смесь сентиментальности и цинизма, романтики и бунтарства, оно подпитывалось современной литературой. Воспитательная направленность, или духовно-нравственная составляющая, становится основным объектом внимания опытного педагога: забота об увеличении, приобретении, закреплении внешних знаний остается, но получает другое обоснование и смысл. Через язык и художественный образ ученик погружается внутрь родной культуры, входит в общение с народным прошлым, усваивает традицию. По-видимому, именно в недрах этой сферы и происходит образование ума, здесь же зреет и воля человека, способность принимать ответственное решение, умение в терпении достигать результата.

4. Фундамент гуманитарного образования

Классическое образование европейского типа базируется прежде всего на изучении двух древних языков: греческого и латыни; поскольку оба языка изучаются прежде всего на образцовых текстах определенного периода, их часто называют классическими. В разное время давались разные ответы на естественный вопрос, почему именно эти два языка лежат в основе классического образования.

Греческий и латынь – языки двух первых европейских народов, стоявших у истоков единой европейской культуры; именно они были избраны в качестве основных Древней Христианской Церковью и они навсегда остаются главными языками христианского богословия. Это основополагающий факт для всего последующего развития христианства и всей европейской культуры, то есть той единственной на Земле культуры, которая приобрела планетарное распространение.

Второй резон, заставляющий говорить об исключительном значении обоих древних языков, связан с первым: греческий и латинский языки – единственные из всех языков, имеющие один свыше двадцати пяти, другой – свыше двадцати веков непрерывной традиции их изучения и преподавания в качестве «общих» языков европейской культуры, которая мыслится как вселенская. В силу этого на обоих языках из уже созданного отбираются и

сознательно создаются образцовые произведения, лежащие в основе школьного образования. Отбор определяется понятиями наибольшего совершенства и тем самым пригодности к совершенствованию души учащегося.

В отличие от изучения новых языков, основанного на усвоении шаблонов и воспитывающего автоматическую реакцию на ситуацию, древние языки ориентируют на изучение образцов и чтении сложных – с самых разных точек зрения – текстов. Эта привычка с уважением читать, ответственно разбирать и ревностно стремиться к должному пониманию сложных образцовых текстов способствует тому, что часто является самым сложным для нас: ценить и понимать собеседника, но еще прежде – вообще замечать ближнего своего. Уже самое начало знакомства с древними языками заставляет нас осознать, что задолго до нас существовал и до сих пор есть целый ряд авторитетных текстов, к которым мы можем приобщиться – ради нашего блага, а можем пройти мимо них – в ущерб себе.

Привычка ценить и правильно интерпретировать таких серьезных собеседников, как Ксенофонт и Цезарь, Гомер и Вергилий, Геродот, Платон и Аристотель, Цицерон и Сенека решительно повышает требовательность к себе, развивает умение понимать самые сложные ситуации и правильно реагировать на них. Эта же привычка, укоренившаяся в душе благодаря постоянной систематической работе по весьма насыщенной гимназической программе, оборачивается подлинной приобщенностью к многовековой непрерывной традиции европейской культуры, приучает учащихся воспринимать мир традиции и общения из первых рук и самостоятельно ориентироваться в его ценностях.

Именно эти соображения заставляли включить в учебный план знакомство с основами древнегреческого и латинского языков, потому что даже в качестве элементов они безусловно важны для формирования молодых людей хотя бы как смутное представление о добротном образовании или его предчувствие.

Но эти же две причины, заставляющие признать латынь и древнегреческий фундаментом образования (приобщение к духу европейской культуры и работа с образцовыми текстами, развивающими мышление) побуждают еще и задуматься над тем, может ли в русской национальной школе роль классических языков играть другой язык. И таким языком нужно признать церковнославянский язык – язык русской духовной культуры и

образованности, русского народа и государства, наш языковой фундамент. Церковнославянский язык - язык культурно-исторического ареала Восточной и Центральной Европы. На протяжении многих столетий он играл такую же роль, как и средневековая латынь для народов Западной Европы: был языком церкви, народного просвещения и образования, художественной литературы и науки; но дольше и полнее чем латынь он выполнял функции государственной и международной документации и переписки. Во всех странах язык своего культурно-исторического ареала (латынь, арабский, санскрит) изучается в национальной школе как своеобразный фундамент языковой и духовной культуры.

По подсчетам академиков А.А. Шахматова и Л.В. Щербы, более 55 % всех элементов современного русского литературного языка (буквы и принцип орфографии, слова и обороты, синтаксис, морфология, словообразование и т.п.) прямо или косвенно восходят к церковнославянскому языку. Заимствованы целые грамматические категории.

Тщательные подсчеты показали, что оды М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина, как и А. Кантемира, содержат до 93 % церковнославянизмов. В письмах же Ломоносова к друзьям процент церковнославянизмов снижается до 50%. А.С. Пушкин установил своеобразную норму 55% при огромном размахе с целью стилистического использования: минимум в речи Петруши Гриневы и Савельича и максимум в монологе Пимена и стихотворении «Пророк». В передовой газеты «Правда», посвященной 100-летию со дня рождения Ленина, те же 55% церковнославянизмов.

Церковнославянский язык был создан в результате переводов с греческого языка, имевшего длительную традицию развития, от которого унаследовал все достоинства языка классического: прозрачность и продуктивность словообразовательных моделей, строгость и системность грамматической организации, выразительность разветвленного синтаксиса, богатство словаря.

Многообразием словообразовательных средств, воспринятых из древнецерковнославянского языка, характеризуются целые классы и разряды производных слов русского языка: отвлеченные существительные с суффиксами -ение, -ние, -тие, -ие, -ость, -есть, -ота, -ета, -ина, -ба, -тва, -да, -ство, -ствие, -знь и др, личные имена существительные с суффиксами -ник, -тель, -ец, -ица; производные с префиксами без (бес-), во-, воз (вос-), из (ис-), не-, низ (нис-), пре-, пред-, раз (рас-), со-, чрез- и проч. Характерно, что воспринятые из церковнославянского языка словообразовательные модели на

почве русского языка обнаруживают свою живучесть и продуктивность. Словари древнерусского языка показывают активизацию способа сложения под влиянием церковнославянских продуктивных моделей с корнями *благо-*, *бого-*, *велико-*, *добро-*, *ино-*, *ново-*, *руко-*, *само-*, *славо-*, *едино-* и др. Даже казалось бы, наименее употребительные из старославянских словообразовательных моделей дают на русском материале ольшее количество производных, чем в самом старославянском языке или в современном церковнославянском языке, например, отвлеченные существительные с суффиксом *-ба*. В старославянском языке по этой модели были образованы существительные *алчьба*, *врачьба*, *дружьба*, *мольба*, *сватьба*, *служьба*, *схдьба*, *татьба*. В современном русском языке, за исключением слова *врачьба*, все суффиксальные образования данного типа сохраняются. Их ряд пополнился русскими отглагольными производными существительными с суффиксом – *ба*, образованным по той же модели: *борьба*, *волиба*, *ворожьба*, *гульба*, *женичьба*, *косьба*, *молотьба*, *настьба*, *стрельба*, *тяжьба*, *хотьба*. Данные примеры демонстрируют усвоение русским языком одной из наименее продуктивных старославянских словообразовательных моделей. В классе отвлеченных существительных наиболее продуктивны модели с суффиксами *-ость*, *-ение*, *-ство*. Показательно, что существительных с суффиксом *-ение* и с фонетической приметой, безусловно свидетельствующей о церковнославянском источнике словообразовательной модели (жд в соответствии с русским ж), в русском языке в 4,5 раза больше, чем в самом старославянском языке, и в 4 раза больше, чем в современном церковнославянском. Общее количество таких производных в русском языке составляет 87 лексем (по сравнению с 20 в старославянском и 22 в церковнославянском). Так генетическими славянизмами, но русскими по образованию являются слова: вырождение, деторождение, живорождение, зарождение, месторождение, перерождение, яйцерождение, местонахождение, первовосхождение, прохождение, происхождение, расхождение, древонасаждение, лесонасаждение, насаждение, осаждение, высвобождение, самоосвобождение, освобождение, вождение, кораблевождение, самолетовождение, судовождение, танкововождение и т.д. Церковнославянскими по происхождению являются все разряды причастий, формы превосходной степени прилагательных, форма И.П. местоименных прилагательных мужского рода на –ый. Среди синтаксических средств русского языка также можно отметить определенные структурные модели словосочетаний и предложений, воспринятых из церковнославянского языка (типа: *слезы радости*, *помощь ближнему*, *делом и словом*, *плоть от плоти*, *с головы до пят*, *со страхом и трепетом*,

невзирая на лица, жизнь есть свет, да сгинет тьма, да сбудутся желание, мир вам! и др.). В современном русском языке функционирует значительное количество церковнославянских по происхождению фразеологизмов. Среди них значительное количество таких, которые сохраняют свою библейскую символику (блаженны нищие духом, ищите и обрящите, каинова печать, кающаяся Магдалина, манна небесная и т.д.). Однако мало внимания обращалось на такие церковнославянские по происхождению обороты речи, которые, утратив религиозную окраску, составляют значительную часть устойчивых выражений русского языка, вошли в активный фонд лексических ресурсов русской речи: *безмятежная жизнь, вводить в заблуждение, вдохнуть жизнь, в настоящее время, внести свою лепту, во дни и ночи, дела рук, день встречи, день испытания, душою и телом, живые и мертвые, житейские страсти, как звезд на небе, корень зла, лицом к лицу, мыслью и сердцем, не от мира сего, нерушимая стена, свет во тьме, душевная сила, слезы умиления, словом и делом, старые и малые, с чистой совестью, пожинать плоды, тьма кромешная.*

Церковнославянской является не только вся лексика Православия, передающая религиозную духовность (Богородица, Вознесение, Воскресение, Крещение, Рождество, Спаситель, пророчество) но и слова, формирующие русскую языковую картину мира, выражающие представления о пространстве и движении, времени, о состоянии внешней среды: *безмолвие, бесконечность, ближний, будущий, вечный, время, вещество, вселенная, Млечный путь, область, пространство, пустота, свет, тишина, широта* и др. Само понятие жизни и представление о жизненном пути в русской языковой картине мира выстраивается на основе на основе лексики церковнославянской: *бытие, возраст, жизнь, зачатие, младенец, младенчество, родители, рождение, рожденный, юность, юношество* и т.д. Понятие о человеке «внутреннем», его духовных качествах, воспитании и образовании, его творческих и интеллектуальных проявлениях также находят выражение в славянизмах: *благодущие, благочестие, братолюбие, величие, воспитание, доблесть, достоинство, милосердие, милость, мужество, родство, совесть, целомудрие, человеколюбие, упражнение, учение, учительство, образование, наука, премудрость, знание, смысл, разум, призвание, талант, творчество, творение, изобретение, вдохновение, воображение, попечение, служение* и др. Представление о социальной среде, о сообществах людей, о государстве, правовых категориях и институтах передается славянизмами: *единение, единогласие, общество, согласие, человечество, страна, государство,*

держава, отечество, право, правда, свобода, порок, беззаконие, преступление, свидетельство, осуждение, наказание. Как видим, важнейшие составляющие русской ментальной и ценностной картины мира получают свое обозначение в церковнославянских по происхождению словах.

Сегодня русский литературный язык лишен той постоянной связи с церковнославянским языком, которая существовала в течение столетий, когда действовала школа преподавания церковнославянского языка, соответственно существовала и традиция чтения и воспроизведения церковнославянских текстов. Наш десятилетний опыт преподавания церковнославянского языка показывает, что не только чтение высоких образцов церковнославянских текстов благотворно действует на учеников, но и лингвистические задачи, решаемые на уроках (например, проспрягайте глагол читать на церковнославянском в аористе, имперфекте, перфекте и плюсквамперфекте), способствуют развитию лингвистического мышления. Самое сложное при изучении церковнославянских текстов – переложение содержания на русский язык. Большую трудность представляют не столько синтаксические особенности (оборот «Дательный самостоятельный», двойной винительный падеж, не прямой порядок слов), сколько поиск в русском языке слов, адекватно передающих смысл церковнославянских.

5. «Ядро» гуманитарного образования – русский язык и литература

Если основой, фундаментом языкового образования гимназии является церковнославянский язык, то его ядро – русский язык и литература.

Русский язык как предмет сводится к совокупности правил орфографии и пунктуации. Часто ли мы встречаем человека, который пишет грамотно в силу знания правил? В данном случае телега поставлена впереди лошади: выводы читательского опыта, являющегося носителем означенных правил на интуитивном уровне, предпосланы самому читательскому опыту, который формируется наспех и небрежно. В рекомендациях МО РФ по организации профильного обучения русскому языку определена направленность обучения предмету на третьей ступени (средняя школа):

- формирование целостного представления о языке как национально-культурном феномене, как многофункциональной, исторически развивающейся системе, ее устройстве и функционировании.

Под изучением истории языка в школе нами понимается целенаправленное формирование у школьников определенного объема знаний и представлений

о сущности языка как национально-культурного и исторически сложившегося феномена, а значит, ряда значимых для личности и общества ценностных ориентаций. Изучение истории языка организовано как развитие личности учащегося в процессе познавательной деятельности на основе решения ряда учебных задач, ориентированных, во-первых, на комплексную работу с текстом как носителем универсальной информации, во-вторых, на развитие языкового чутья, в-третьих, на развитие навыков самостоятельной работы исследовательского характера.

Исторический принцип изучения русского языка предполагает не только новое наполнение содержания образования: происхождение, становление и историческое развитие языка (например, изучение явления полногласия – неполногласия и на его основе «непроверяемых» написаний гласных), но и иную организацию системы познавательной деятельности учащихся. В свете деятельностной парадигмы усвоение тех или иных знаний начинается с творческого преобразования фактического материала.

Переходя к предмету «литература», к тому, что можно назвать его фундаментальным ядром, хотелось бы опять вернуться к понятию «образцовый текст». По замечанию Всеволода Юрьевича Троицкого, к таковым относятся «произведения, признанные совершенными, самобытными и значительными в духовном, художественно-эстетическом, идейно-нравственном отношении, то есть произведения, во-первых, духовно значимые; во-вторых, идейно высоко ориентированные; в-третьих, художественно совершенные». На наш взгляд, учить надо именно этим образцовым, или базовым, текстам, а не базовым категориям. Именно отобранные образцовые тексты должны составить обязательный образовательный минимум в области изучения литературы. Базовые категории представляют собой не более чем слова языка описания литературы, а вот базовые тексты создают культурную общность этого поколения с другими поколениями.

Человек, не читавший «Слова о полку Игореве», «Горя от ума», «Моцарта и Сальери», «Евгения Онегина», «Преступления и наказания» - это человек какой-то другой культуры, не русской. Человек, не читавший «Илиады» и «Божественной комедии», «Дон-Кихота», «Гамлета» и «Фауста» - это человек не европейской культуры. И такое знание действительно будет базовым – то есть таким, которое послужит на всю жизнь, его не придется «корректировать» через пять лет, и оно само сможет служить основой для оценки любого нового текста, то есть нового знания. Кстати, откуда взялся

тот ограниченный список классиков русской литературы? «Наша печать почти целиком находится в руках террористов-социалистов, поэтому я являюсь мишенью для грубых нападков со стороны многочисленной клики, у которой свои лозунги и свой заранее составленный постскрипционный список», - писал в 1874 году известный русский поэт и прозаик Алексей Константинович Толстой. Иногда кажется, что за прошедшие почти полтора века мало что изменилось. Скажем, одна из главных тем – тема Родины. Россию любили, несомненно, все, и демократы и либералы. Но какой бы «странной» не была эта любовь, родину обязательно надо было жалеть, прощая ей «нищету», «забитость», «убогость» – из чего понятно, следовала необходимость кардинальных общественно-политических преобразований.

Хрестоматийным стало стихотворение Федора Ивановича Тютчева:

«Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа».

Но почему-то не спешили включить в хрестоматию поэтическое возражение Алексея Константиновича Толстого:

«Одарив весьма обильно
Нашу землю, Царь небесный
Быть богатою и сильной
Повелел ей повсеместно».

Прочтите, сравните два стихотворения, изумитесь актуальности давнего спора, включите в него детей и заодно подумайте, почему позиция второго всегда была менее популярна, чем первого? Может, потому, что заставляла обернуться и посмотреть на себя, призывала к любви деятельной и ответственной, призывала трудиться и для земного процветания Святой Руси, а не плакать над ее бедностью.

Возвращаясь к базовым понятиям, можно предположить, что язык описания литературы все равно избирает учитель, и набор базовых понятий иерархически выстраивает он же. Например, при изучении литературы в 8 классе можно предложить такой ключ к воспитанию историко-литературного мышления, как формирование понятия «идеал». В таком жанре

древнерусской литературы, как жития очень легко увидеть разный образ жизни, разные типы святости. В нескольких наиболее ярких произведениях античности, у В.Шекспира, вычитываем и выявляем другие идеалы. Во втором полугодии в «Полтаве», «Медном всаднике», «Капитанской дочке» А.С. Пушкина продолжаем говорить об идеалах героев и идеале автора ,сравнивая их с идеалами и героями древнерусской литературы. Такой навык вычитывания духовного смысла произведений, умения видеть разницу в мировоззрении авторов, отличать гениальные озарения от талантливых заблуждений, становится прекрасной основой для дальнейшего изучения исторического курса литературы. Подходя к произведению с точки зрения осмысления идеала героя – автора – эпохи, мы учим детей осмысливать произведение как часть литературного, исторического, духовного потока бытия.

6. Периферия гуманитарного профиля

Безусловно, преподаватели языковых дисциплин играют важнейшую роль в комплексной лингвистической подготовке школьников. Однако говорить об эффективности формирования языковой и коммуникативной компетенций нельзя без соединения усилий в работе по всем школьным предметам ,в первую очередь, по сложным гуманитарным дисциплинам, без усиления внимания к языковому аспекту в целом при всей разности предметов просматриваются некие общие моменты. В качестве примера можно говорить об углубленном изучении научной терминологии. Так на уроках истории один из приемов работы с терминами – прямой перевод. Ученики не просто запоминают значение, но и записывают его по-латыни и по-древнегречески и дают его истинное значение, например, *диктатор*, *император*, *триумф*, *мануфактура*. С другой стороны именно история помогает осмыслить идею восстановления разрушенных форм жизни, отношений собственности, власти, восстановления исторической памяти, достоинства и самосознания, восстановления преемственности в культуре – то, что сейчас называют «возрождение наших традиций». Этимологически в переводе с латыни термин «традиция» - передача, в русском языке точное значение этого термина – это «предание», ср. у А.С. Пушкина «дела давно

минувших дней, преданья старины глубокой», еще: «Да ведают потомки православных земли, своей минувшую судьбу». Этот термин дал понимание того, что «Введение в историю» в 4 классе изучается как «Вятское предание».

Если же взять предмет, достаточно далекий от гуманитарных, например, математику, то там пространство для языковой работы может быть даже более широким. С одной стороны, исторический подход к изучению науки требует знакомства с первым русским учебником математики, а это была «Арифметика» Леонтия Магницкого (1703 г.). Тексты задач там даются на церковнославянском, кроме того, представлено не несколько задач определенного типа, а лишь одна, поэтому можно с детьми не только переводить с церковнославянского, но и придумывать самим тексты задач по образцу. Так, в нынешнем 5 классе издали сборник задач по теме «Дроби». Кроме того, при изучении каждой темы, учиться математике совместно с учителем русского языка создает памятки «Говори правильно», так по теме «Дроби» она называется «Следите за верным употреблением слов *кратно и кратное* (в значении существительного)».

7. Речевая среда с высоким развивающим потенциалом

Собирая воедино усилия учителей и учеников, мы надеемся, что начинаем решать проблему создания речевой среды с более высоким развивающим потенциалом, нежели тот, который существует в настоящее время. Речевая среда выступает как особый элемент методической системы. Речевая среда с высоким развивающим потенциалом - это среда, в которой существует общность учащихся и учителя, в которой установлен единый речевой режим в соответствии с критериями хорошей речи, где обеспечена сбалансированность всех видов речевой деятельности, создана обстановка свободного творчества.

Если говорить о сбалансированности четырех видов речевой деятельности, то приходится констатировать факт, что письменная речь (чтение и письмо) преобладает над устной, а из слушания остался только голос учителя, который после постоянного аудишума (CD – плеер, телевидение, радио) с трудом распознается как акустический сигнал. С целью восстановления способности слушания в курсе «Лингвистическое краеведение» мы даем детям звучащие тексты: диалектную и детскую речь, городское просторечие и т. д. После усвоения навыков передачи устной речи на письме каждый

должен обработать свой текст. Дети работают над удивительными по красоте и содержанию рассказами, которые обладают высоким воспитательным потенциалом, хотя задача ставится вполне лингвистическая: понять, как членится речевой поток. Оказывается, дети так привыкают видеть перед собой литературный текст, что разговорная речь ставит в тупик: это одна синтагма, или несколько, как оформлять высказывания – как сложное предложение или два простых. Так и формируется в полной мере речеведческая компетенция.

Полноправным воспитывающим элементом речевой среды является «бытовая» школьная коммуникация. Агрессивная речевая среда окружает детей с детства. Если раньше обценную лексику (мат) можно было услышать лишь на улице, то в наши дни можно в целом отметить резкое снижение речевой культуры. Практически полностью исчезла образцовая речь с кино- и телеэкрана, из радиопередач. Пестрят грамматическими и речевыми ошибками газеты, журналы, книги. Нецензурная брань, черные слова стали повсеместным явлением, ими засорена речь всех поколений, всех профессий, всех общественных слоев. Заимствования из английского языка вытесняют исконно русские слова, зачастую лишь единичные из этих неологизмов оправданы с точки зрения целесообразности их включения в словарный фонд русского языка как необходимого наименования новых реалий. Поэтому постоянное внимание к речи наших учеников, даже не столько на уроках, где они контролируют себя, сколько во внеурочное время, исключение из их общения кличек, жаргонных, сленговых, просторечных слов являются важной работой по усвоению языковых норм не в виде упражнений, а в реальной жизни.

И в этом, как вообще в педагогике, личный пример учителя необыкновенно важен. Мы не только не являемся эталоном для наших учеников, как всегда было в русской школе, но и сами зачастую опускаемся до ученического сленга: вместо *изумительный*, *очаровательный* из наших уст звучит *потрясающий* (и даже *потрясный*), *обалденный*. Мы сами должны все время помнить, что в языке сохраняется дух нации. Важно, чтобы в нашей речи слова *согласие*, *терпимость* не оказались менее востребованными, чем заимствованные *консенсус* и *толерантность* и тогда *тренинги* не вытеснят *образование*. Верить в то, что социальная обстановка изменится - утопия. Нужно перевоспитывать самих себя, тогда лучшие из

наших учеников последуют нашему примеру.

Конечно, впереди еще много работы, предстоит сформулировать ряд новых задач, касающихся всех без исключения предметов, всех ступеней обучения, методологии и методики преподавания, понимания сути воспитывающего образования. Наш опыт, как нам представляется, позволяет собрать разрозненные усилия в некое направление, создает пространство, в котором мы говорим на одном языке и решаем одни задачи. Грамотно по методу организованная педагогическая работа может дать образовательные результаты, сопоставимые с теми, которые достигаются в классическом гимназическом образовании.